

После спектакля, в суете, беготне и криках шумного фойе я услышала разговор. «Что понравилось вам в спектакле?» — спрашивала, у стайки девочек (пятиклассниц по виду) группа уфимских театроведов.

— Этот спектакль о том, что надо помогать друг другу. Лучше, конечно, пожалуй, не скажешь. Самую суть хорошо поняли те, к кому спектакль обращен, — те самые мальчишки и девочки, которым, казалось бы, непросто будет ухватить ее в переплетениях сюжета, если посмотреть, как они сейчас, сломя голову несутся по лестницам и гонимы так жестоко, что звои стоит в строгом, привыкшем к торжественной тишине Башкирском академическом театре.

«А Воробьев стекла не выбивал» — это название спектакля и это его рефрен, символизирующий не упрямство «доставала сладостей» Семин, нет, а его бескомпромиссность, принятое на себя решение быть честным до конца.

В юности острее воспринимается окружающее, и широкотости, не сглаженные приобретенным впоследствии умением «не тратьте нервов по пустякам», больно тревожат

сердце. Восприимчивость эта не в каждом воспитана, но именно те, кому она дана, делают мир добрее и человечнее.

Обыкновенный мальчишка — Семин. (Сема, как зовут его ребята). Во дворе его дразнят доставалой сладостей: то бочку из-под повидла прикатит («а на дне еще ой-е-ей»), то еще что-нибудь раздобудет. Он такой же, как остальные, как тот же Воробьев, предположим. Такой же — не такой. Именно он встревожился, что оборвались звуки скрипки в квартире новой соседки девочки Лиды, именно он неустанно твердит: «А Воробьев стекла не выбивал» — хотя сам Воробьев отступил и принял на себя чужую вину.

В последние годы в печати немало пишут о проблемах акселерации. Одна из этих проблем — отставание социального созревания наших ребят от их физического взросления. Не моя задача сейчас входить в существо споров, возникающих вокруг этого явления, но это такое в сущности социальная зрелость как не чувство личной ответственности — и не за себя только, а, в конечном-то счете, за все, что происходит вокруг.

Главное. лекарство

Сема — в открывшей гастроль постановке Казанского театра юного зрителя — подросток, начавший осознавать необходимость гражданского выбора — своей позиции, своего места среди людей и своего отношения к ним. Его поведение — не бессознательный детский порыв жалости, он активен в своем утверждении принципа ответственности, принятой на себя добровольно, но от этого не только не менее, а, быть может, даже более строгой.

В действии спектакля сопряжены два временных плана: день сегодняшний и годы войны, которые возвращает нам дневник Лидиной мамы — тогда еще девочки из блокадного Ленинграда.

Эти два плана удачно подчеркнуты оформлением. Перед нами двор, стена многоэтажного дома и окна верхних этажей, наливающиеся то утренней голубиной, то багряным пламенем заката, как в дни блокады, залесены накрест по доскам белой бумаги.

Война окончилась десятилетия назад, но она и сейчас догоняет переживших ее: умерла от болезней, начавшихся тогда, в Ленинграде, Лидина мама, старик-аптекарь все еще помнит, что было в его комнате, на месте которой теперь сквер. И для ребят, родившихся через многие годы после войны, война, поведение людей в то время — камертон, определяющий их собственный настрой, их собственные поступки. Сема узнает, что Лидя тяжело больна — у нее порок

сердца, и он становится «доставалой горького».

— В нашей стране всего 20 тысяч аптек, — говорит он. — В какой-то-нибудь обязательно есть лекарство от этой болезни.

Актер А. Дашин всячески подчеркивает обыкновенность Семы. «Доставала сладостей» так же азартно бежит и играет, как и остальные мальчишки. (Постановщик спектакля Л. Верзуб точно воссоздает атмосферу ребячьего двора, с его шумными, порой дурашливыми играми). Отличает Сему только постоянная готовность отозваться на чужую боль.

Нет лекарства от порока сердца в аптеках.

— Но ведь от каждой болезни должно быть лекарство?!

Сема и его друзья находят это лекарство — это скрипка из павучьего дерева, которая во время блокады опасла жизнь Лидиной мамы, и по которой сама Лидя тоскует, как по живому человеку.

Сема на станции разгружает вагоны, чтобы заработать денег и купить эту скрипку.

И скрипка, наконец, в руках Лиды. Но не она, конечно, главное лекарство от болезни. Главное лекарство — доброта и бескорыстие людей, отвоевавших девочку у одиночества.

Л. ДЫМОВА.

НА СНИМКЕ: Маруся — Л. Луккина, Воробьев — В. Ходарин.

Фото С. ВЕРИНА.